

18+

Олег Дыбцин

БОСИКОМ ПО ОСКОЛКАМ ВОЙНЫ...

СТИХИ

Олег Дыбцин

**Босиком по осколкам
войны... Стихи**

«Издательские решения»

Дыбцин О.

Босиком по осколкам войны... Стихи / О. Дыбцин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857174-9

Сулили мне судьбу военного — Мол все из них и ты туда... И помню я
лампасы дедовы, Еще в те детские года. Рожден был все ж не для казарм
я И офицерской нищеты, Как не скучала по мне армия, Я сам вступил в ее
ряды. Два года быстро пролетели, Окончен срочной службы срок — Две
истрепавшихся шинели Да пара стоптанных сапог. То время не прошло
напрасно, Свой тельник гордо берегу. И помню дедовы лампасы, В каком не
помнится году. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-857174-9

© Дыбцин О.
© Издательские решения

Содержание

от Афгана до Сирии	6
Михалыч	7
Вновь память упрямо...	8
А мне к утру приснилась снова Мать	9
Юность	10
ЕЩЕ ВЧЕРА...	11
Вечная память тебе, офицер!	13
Ставропольский десант	15
ПОМНИ, РОДИНА!	16
На Чеченской выжженной земле	17
В переходе	18
Письмо из дома	19
Ну, почему опять?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Босиком по осколкам войны...

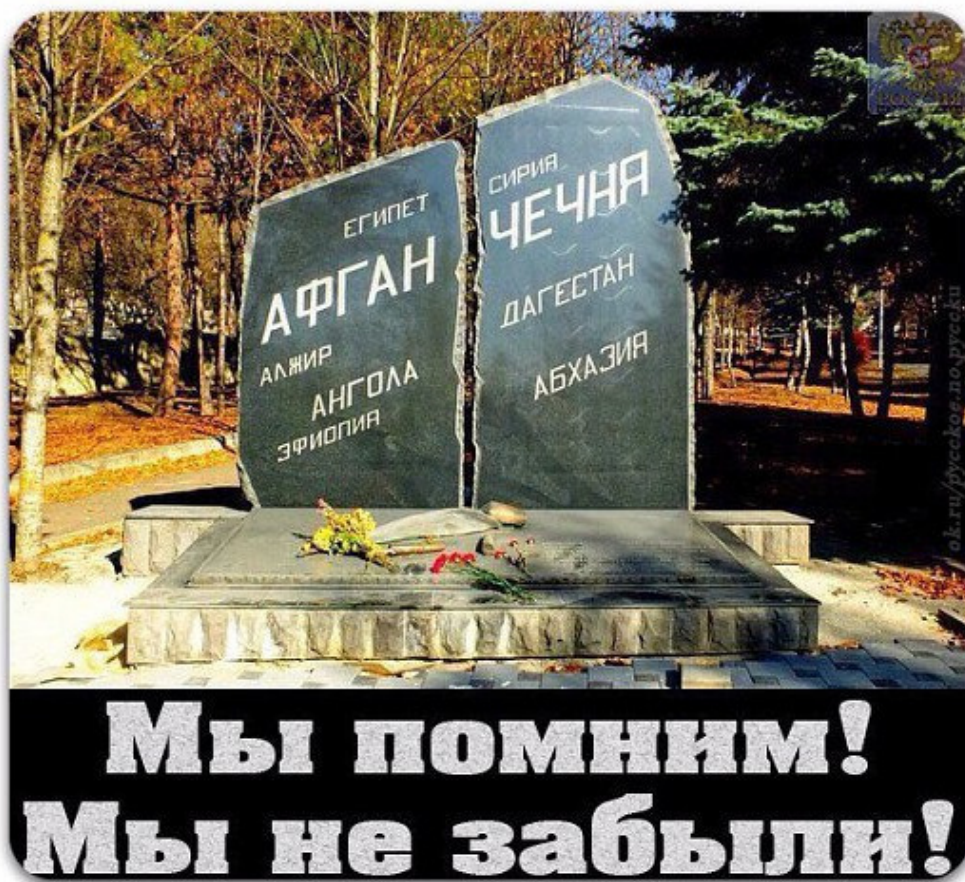
Стихи

Олег Дыбцин

© Олег Дыбцин, 2018

ISBN 978-5-4485-7174-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

от Афгана до Сирии

Он до сих пор устало смотрит в ночь,
Проснувшись от неведомых пожаров.
Душа его опять куда – то прочь,
Летит под плачь ровесницы гитары.

Туда, где днем в тени за пятьдесят,
Где горы снег обнял и перевалы,
Туда, где по весне цветет гранат —
Оттенком не привычно ярко – алым.

Он снова там на выжженной земле,
Объят ее колючими ветрами...
И шепчут ему струны в тишине:
«Салам, Бача, споем вновь с пацанами.»

И по привычке, словно» на двоих»,
Он курит, половину, чтоб оставить,
А в окна лезет ярко – красный блик,
Рассветом вскипятив больную память.

Ах, сколько лет прошло, а он все «ТАМ»,
Синдром войны навряд ли чем излечишь.
Он до сих пор, «ушедшим» пацанам,
На» ВЫВОД ВОЙСК» в церквях всем ставит свечи.

И не понять его со стороны,
Но он то знает, он то точно знает,
Что от войны и снова до войны —
Солдат Отчизны бывших не бывает!

Михалыч

Шептались за спиной его соседи,
Когда он пьяный шел к себе домой:
«Сдурел, Михалыч, крыша что ли едет?
Уж третий месяц пьет, как заводной!

«А он рукой махал мол – «Всем здорова!»,
Включив в себе режим автопилот.
Он с виду только был мужик суровый,
Похож на тех, кто гвозди в узел гнет.

Я с ним не раз, на лавочке под кленом,
Из горлышка коньяк украдкой пил...
Он был в стихи Есенина влюбленный
И до безумства неба ширь любил.

Полковник авиации в отставке,
Прошедший череду тяжелых войн,
Мне говорил: «Давай, Олега для затравки,
За гул винтов «по маленькой» с тобой?!»

А дальше я читал свои стихи,
А он сидел хмельной и молча слушал.
Я видел, как сжимались кулаки,
От строк войны ему ломая душу.

Он никогда ни чем, не козырял,
И был открыт собой для всех, как небо.
Детей ему с женой Господь не дал
И для него семья осталась – небыль.

«Забыл совсем, Олега, вот, бери»
Он мне тянул две плитки шоколада.
«Жене своей с дочуркой подари,
Отставить разговорчики, так надо!

«И тихо плыл в улыбке душой,
Благодаря полковника по детски.
«Давай, пехота, по чуть-чуть еще —
За синь небес и мир, как в старой песне!»

Шептались у подъезда вновь соседи,
Глаза стыдливо опуская в пол.
««Сгорел», Михалыч... слышь, Олега в среду...
На небо свое чудное ушел...»

Вновь память упрямо...

Вновь память упрямо,
Под ночь, как ни странно
К былому листает страницы назад,
К провинции старой
Под склон Гарибгара,
Туда, где стоял наш Афганский рембат.

Там возле Кабула —
Дорога, под дулом,
Ведущая с запада и на восток,
По ней опаленной,
Не раз шел в колонне
Я с легких отплюнув горячий песок.

Открытые фланги —
Опасность Саланга
Забравшая сотни мальчишеских душ,
У всех, кто в походе
Вновь нервы на взводе,
Оскалился льдами седой Гиндукуш.

Почти что два года
Чужая погода,
Нам мачехой злой и коварной была,
Но песни мы пели
О том, как шумели
В родных городах листвой тополя.

Нас девушки ждали,
О свадьбе мечтали,
Помадный в конверт поцелуй положив
И дЕвичий почерк
Грел в стылые ночи —
«Молюсь за тебя, ты останешься ЖИВ!»

Не легкая служба,
Но выдержать нужно —
Мы наших дедов подвести не могли.
На вечно в альбомы
О дальних кардонах
В Афганских панамах нам фото легли.

А мне к утру приснилась снова Мать

А мне к утру приснилась снова Мать,
В глазах слеза от этого виденья.
В ушах вопрос звенит и память вспять,
Пошла обвалом в крупные каменья.

«Ну, что ж ты, сын, вновь взялся за свое,
Мои мольбы тебя не остудили?
Вот и опять на сердце вороньем,
Моем тревоги черные вскружили.

Ты весь в Отца – характером упрям,
Уж если, что решил – не двинешь с места.
Зачем ты, сын, пустив все по ветрам,
Шагнул опять, так слепо в неизвестность?

Четвертый месяц я не слышу голос твой,
Худые мысли с чувством моим в споре...
Зачем ты, сын, играешь вновь с судьбой?
Мне потерять тебя – большое будет горе!

Не мучь меня, сынок, живи, как все,
Я за тебя бояться, так устала...
Твоя дочь, «Папа», вновь вчера во сне,
Губами пересохшими шептала...

Уйди от этих войн – молю тебя...!!!
Довольно, хватит трупов для Отчизны...!!!
Из века в век марш траурный трубят,
Архангелы войны живым при жизни...»

И рубануло стоном под кадык,
Слеза пошла мне горло обжигая,
Сорвался из груди в надрыве крик:
«Я к вам вернусь, клянусь, я обещаю...!!!»

Юность

Мы живем не смотря ни на что,
Беспощадна ночами память,
Плачет юность, а знает ли кто,
Как вставала она под знамя?!

Когда рвалась она на куски,
В штыковую шла полным ростом...
В третьем тосте запив сухпайки
Свечи жгла за ребят на погосте.

Как сжимала она в ладонь
РГД ближе к сердцу, на всякий...
И, как МАМА, под звон колоколень
Уставала в молитве плакать...

Опаленная юность войной
На плечах все весит бушлатом...
Снова вспыхнул далекий тот бой...
Старшина вновь в эфир вышел матом.

И заплакала юность опять,
Как девчонка в висок уткнулась,
Тихо шепчет: «Устань воевать.
Я к тебе не за тем вернулась...»

Оглянулся, а не чего взять,
Пелена, да по легким порох...
Седина снова МАТЕРИ в прядь...
На войне мне отметить сорок...

ЕЩЕ ВЧЕРА...

Брату моему по крови и духу посвящаю.

Еще вчера Афганский солнцепек
Броню калил, коснись – ладонь в ожоге,
Еще вчера в колонне на восток
Он уходил по пепельной дороге.

Еще вчера казалось этот груз
Солдатской доли юной будет вечен,
Но время шло и вот уже Союз
Его встречал сиренью в майский вечер.

Уже неделя, месяц, позади
Он потихоньку в шаг идет с «гражданкой»,
А по ночам свинцовые дожди
Во сне секут броню на его танке...

И он, как мог, держал себя в руках
Теперь иные здесь ему заботы,
Его обратно в штат взял Автопарк,
Где он до армии водителем работал.

И после смены, вечером одним,
Он ждал автобус свой на остановке.
Сограждан уж на ней, полно-полным —
Знать «барбухайка» встала от поломки.

А рядом проезжал старюший ВАЗ,
Откуда в нем к движенью были силы?!
Рывок, толчок, мгновенье и – ЕБ@КС!
Его глушитель газами пробило.

И что-то щелкнуло у парня в мозжечке,
«Подствольник!» – мысль сорвалась, как цунами.
«Ложись!» – уже он крикнул на земле
И голову свою прикрыл руками.

Секунды три проходит – тишина,
Он встал, смущенно грязь смахнув с ветровки
И тут услышал, как народ сполна,
Над ним смеялся весь на остановке...

Еще вчера Афганский солнцепек
Броню калил, коснись – ладонь в ожоге,
Еще вчера в колонне на восток
Он уходил по пепельной дороге.

Вечная память тебе, офицер!

Он свой самолет положил на крыло,
«Горит правый борт, до своих не добраться»
И горло сдавили – обида и злость, Секунда...
И срочная катапультация...

И уже на земле, под градом свинца,
Последний дал бой он, один против коды.
Дотронулись пальцы, на гранате кольца,
«За пацанов!» крикнул он «вам уроды!»

И взрыв прогремел, пошатнулась земля...
В безмолвье шагнул он... он успел подорваться,
А небо по сыну от боли скуля,
Снегами в России лишь смогло разрыдаться.

Вечная память тебе, Офицер!
Мужеству, что не имеет предела!
Честь и Отвага – вот твой пример,
Дано это тем, кто характером смелый!

Скорбим по тебе, Филипов Роман,
С сердец наших слезы будут долго срываться...
Молча, ребята, поминальных сто грамм,
За Героя России, за погибшего Братца!

Ставропольский десант

Вот и тронул опять, окаем горизонта закат,
Зазвенела распухшая вена не к добру у виска.
В онемевшую руку словно врос навсегда автомат
И неделю не сходит мозоль от спускового крючка.

Первый снег лег вчера на землю пушистым ковром
И завывли ветра, обжигая уставших солдат.
Замком взвода в бреду все шептал окровавленным ртом:
«Я в кольце. Поддержите. Вызываю огонь в свой квадрат...»

Тихо слушали горы и небо, что шептал лейтенант,
И смотрели в лицо его серое, и пытались понять —
Как же мог в семером, против сотни, Ставропольский десант
Больше суток высоту в круговой обороне держать?!

В чем же дух этих войнов — не сдаться,
ни шагу назад,
И приказ боевой выполнять ценой собственной жизни?
И пытались они заглянуть лейтенанту в глаза,
И прочесть по слогам обожженные взрывом мысли...

Тихо падает снег и скрепит под ногами упруго.
Тишина. Словно не было здесь никаких канонад.
Будут помнить те горы, в бою прикрывал, как друг друга
Больше суток не сдавший позиций, Ставропольский десант.

Их на волю и прочность всех проверила, там высота,
Не в учебники бой тот не лег, не вошел в киноленты.
Пулевые ранения затянут потихоньку года,
И вот лишь лейтенант, встанет к ордену, с ними посмертно...

ПОМНИ, РОДИНА!

Вновь отхаркал с ущелья свинцом,
Гулким эхом прострел автомата.
Утыкаясь в песок лицом,
К перевалу проходят ребята.

Боль и кровь на Афганских горах,
Затяжной бой за лживую правду,
Со слезами песок в глазах
Смерть призревшие взять в награду.

Ну, а, где-то идут дожди,
Вечер в Нижнем, а может в Рязани.
Знай же, Родина, помни и жди
Сыновей своих в Афганистане.

Тех, кто долг выполняя свой
Был в последний путь оцинкован,
Возвращался к земле Родной,
К Матерям седым к юным вдовам!

Кто без вести пропал в горах
Или казни в плену был предан,
Помни, Родина о сыновьях,
Кто тебя не продал, не предал!

Помни, как о своих живых,
И калеченых той войною.
Знай и помни твои Сыны
Не остались в долгу пред тобою!

На Чеченской выжженной земле

На Чеченской выжженной земле,
Где война прошла без всяких правил,
У подхода ночью к Ханкале
Я себя на век душой оставил.

Сука память... нервом под ребро
Боль и стон... в свои раненье ноги...
На х@я мне это «серебро»?
Я оставил там от части многих..

На х@я мне память, как жетон?
Я живу, а сердце не остынет...
В голове опять чугунный звон...
Пофамильно в Стелле взвод мой выбит...

Я ору, я плачу – «Ну зачем?!!!
Лучше б сдох тогда я на растяжке!!!»
Чем попасть в ужасно долгий плен,
Памяти своей, больной и тяжелой...

Не залечит, не сотрет с мозгов —
Время мне на век слова и лица...
Я «ровняюсь» вновь на пацанов,
Третий тост... опять душа слезится.

В переходе

В подземном переходе, где не раз,
Я подавал бездомным и убогим.
Тайком за них в душе перекрестясь,
Я узнавал в лицо не всех, но многих.

И с краю где – то, к выходу почти,
Сидел в коляске молодой мужчина.
Накрывши пледом стареньким культИ,
Он под гитару пел хиты из «Сплина».

Недели две наверное назад,
Он появился в этом переходе.
Кто ты такой безногий музыкант,
Не маргинал по внешности же вроде...

И как – то раз, с работы торопясь,
Домой бежал я вновь через «подземку»,
Тут в душу мне знакомая мелодия впилась,
С его гитары... и поплыли стенки...

И рухнул на пол свод и свет погас
В моих глазах от тихого припева.
Как будто «жахнул» рядышком фугас,
Осколками пронзив грудину слева.

Я обернулся в пол – плеча назад,
Как истукан на месте одним замер
И прочитал в его слепых глазах:
«Салам, Бача! Споем же с пацанами...»

Письмо из дома

Я вспоминаю, как прижмешь было порой
К груди письмо не частое из дома,
И тихнет сразу ветер за горой,
И рвется память в край где все знакомо.

Гляжу в смешной рисунок детский я —
Мать от сестренки весточку вложила.
Кому — то это так, одна мазня,
А для меня — от Ангелочка сила!

И где-то там сжимается внутри
Вдруг сразу сердце в мощную пружину,
Шепчу я сам себе: «Слезу сотри!
Ведь ты солдат, ты воин, ты мужчина!»

Как одиночный выстрел: «На броню!»
Звучит приказ и завелись моторы.
Ну, вот и первый снег накрыл Чечню
И тяжелее задышали горы.

И учащенно пульс стучит в виски.
Во взгляде ротного искрой блеснула злоба.
«Все... Понеслась... Ну, с Богом, мужики!
Загоним «носорогов» вновь в утробу!»

Взгляну на Мамин почерк еще раз,
Рисунку улыбнусь — он самый лучший.
Отцовский вспомню из письма наказ,
В «нагрудный» «Ф-ку» положив» на всякий случай».

Ну, почему опять?

Как больно понимать и видеть мне-
Когда друзья опять... опять уходят,
Под чистым небом здесь, не на войне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.